

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 342.51
ББК 67.3

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЦАРИЦЫНА

Александр Егорович Епифанов

Доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального права,
Волгоградский государственный университет
mvd_djaty@mail.com, kmp@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен комплексный историко-правовой анализ вопросов, касающихся организации и деятельности информационных подразделений органов полиции дореволюционной России, в частности Царицына. Работа представляет собой попытку с позиций подхода отечественного государства и права дать развернутую характеристику информационного обеспечения и информационных массивов местной полиции конца XIX – начала XX века. При этом раскрываются регламентация и практика специализированных информационных структур местной полиции Российской империи. В статье с использованием историко-правового метода показаны организационные и правовые основы становления и развития информационной службы российской местной полиции в изучаемый период.

Ключевые слова: информационная служба, полиция, регистрационный отдел, дактилоскопия, фотография, розыск, полицейское управление, учетно-регистрационная работа.

© Епифанов А.Е., 2016

Возникновение специализированных информационных структур российской полиции следует отнести к началу введения ею научных методов и технических средств, то есть к концу XIX – началу XX века.

В 1890 г. в российской полиции «для лишения рецидивистов возможности скрывать свою прежнюю судимость, равно как и кон-

статирования подозрительных лиц, желающих утаивать свое прошлое и свое действительное звание» была введена французская антропометрическая система Бертильона. «Бертильонаж» основывался на определенных приемах измерения различных частей человеческого тела исходя из их неизменяемости в течение всей зрелой жизни. Основными призна-

ками его классификации являлись длина и ширина головы, длина среднего пальца и мизинца левой руки, длина левой ступни и подъема, ширина скуловой кости, длина и ширина правого уха, длина левого предплечья и рост (вышина в сидячем положении). Кроме того, определялся цвет радужной оболочки (вокруг зрачка) в левом глазу, при этом на особой таблице глаза были распределены по цвету радужной оболочки на семь глазных групп и т. д.

Как оказалось, система Бертильона страдала рядом недостатков. Отклонения в тех измерениях, которые велись по этой системе, могли наступать вследствие болезней, ведущих к патологическим изменениям частей человеческого тела. Кроме того, эти изменения были вероятны у человека в преклонном возрасте. Не исключались ошибки, которые допускались при неквалифицированном измерении. Поэтому бертильонаж стал повсеместно, в том числе и в России, вытесняться дактилоскопией, основанной на постоянных, не поддающихся изменению или уничтожению признаках.

Система дактилоскопии была разработана начальником лондонской полиции Эдвардом Генри и введена в Скотланд-Ярде в 1901 году. Она давала значительно больший эффект при раскрытии преступлений, а также позволяла разработать и вести систему регистрации преступников, основанную на ней. Такую систему также ввел Департамент полиции Российской империи. Регистрация и розыск преступников в России, таким образом, строились на сочетании элементов дактилоскопии и бертильонажа.

Циркулярными распоряжениями Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 29 декабря 1906 г. и 9 апреля 1907 г. было создано Центральное регистрационное бюро Департамента полиции, а в сыскных подразделениях полиции на местах – регистрационные отделы (бюро). Они строили свою работу на использовании дактилоскопии, фотографии и частично антропометрических измерениях.

В центральном регистрационном бюро для розыска и опознания преступников была разработана специальная система, в основе которой лежала регистрационная карта, составленная по особой форме и содержащая

120 вопросов. Поскольку она оказалась очень сложной для практического использования основной массой сыщиков, не отличавшихся в то время высокой квалификацией и не имевших необходимого опыта, Департамент полиции существенно изменил систему регистрации преступников.

Новая регистрационная система строилась на таблице родов преступности, включавшей 30 категорий преступников. Последние подразделялись по ним следующим образом: 1) «гастролеры»; 2) карманные воры; 3) воровки-проститутки; 4) простые воры; 5) воры по передним; 6) воры чердачные; 7) воры магазинные; 8) воры со взломом квартир и магазинов; 9) воры с употреблением обмана; 10) воры-прислуги; 11) воры железнодорожные; 12) воры велосипедные; 13) притоносодержатели; 14) скупщики краденого; 15) конокрады; 16) мошенники и аферисты; 17) грабители и разбойники; 18) поддельватели фальшивых денег; 19) поджигатели; 20) убийцы; 21) шулера-картежники; 22) хулиганы и «коты»; 23) бродяги; 24) глухонемые; 25) ссыльно-каторжные; 26) соучастники преступлений; 27) барышники театральные; 28) хипесники, обкрадывающие мужчин, приводимых проститутками на квартиры; 29) подкидчики, обкрадывающие чаще всего приезжих провинциалов при помощи подкидывания на улице кошельков с деньгами или ценных колец; 30) «пушкари».

Первоначально практиковался письменный розыск снизу. Он заключался в том, что руководители местных сыскных подразделений сами рассылали объявления о розыске того или иного лица в полицейские органы страны. Это приводило к большим затратам средств и времени, а результаты, как правило, были незначительны. С тем чтобы поправить положение, общероссийский циркулярный розыск был централизован. «Сыскные ведомости», содержащие установочные данные на лиц, находящихся в розыске, стали издаваться центральным розыскным бюро еженедельно. В экстренных случаях уже через несколько часов после получения требования о сыске делались выписки, которые бесплатно рассылались во все полицейские органы. Благодаря этому эффективность работы сыскного аппарата существенно повысилась. Необходи-

мо отметить, что система централизованно-циркулярного розыска успешно выдержала испытание временем и сохранилась в уголовном розыске по настоящее время.

Территория современной Волгоградской области до 1917 г. входила в состав Астраханской, Саратовской, Самарской губерний, а также области войска Донского. С тем чтобы не терять главной линии нашего исследования, информационная служба и учетно-регистрационные системы местной полиции будут рассматриваться в основном на примере города Царицына и его уезда.

Царицын (так прежде назывался Волгоград) в рассматриваемый период являлся уездным городом Саратовской губернии. По имеющимся сведениям, Царицынское уездное полицейское управление было образовано в 1863 г. на основании Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний от 25 декабря 1862 г. путем слияния земской и городской полиции. Однако поскольку Царицын являлся довольно крупным промышленным центром и железнодорожным узлом, в разные годы рассматриваемого периода общее уездное, уездное и городское полицейские управления существовали в нем как самостоятельные органы полиции.

Царицынская полиция являлась верным стражем общественного порядка. В ее компетенцию входили сбор сведений о состоянии промышленности, сельского хозяйства, торговли, борьба с проявлениями недовольства существующим государственным и общественным строем, оказание помощи жандармским органам в розыске и наблюдении за «политически неблагонадежными» лицами. В силу своего правового положения в то время полиция проводила лишь дознание по уголовным и гражданским делам. Главной обязанностью полиции, которую закреплял за ней Устав уголовного судопроизводства 1864 г., являлась помощь судебным следователям, которые осуществляли проведение предварительного расследования практически по всем уголовным делам.

Общая, а затем уездная и городская полиция Царицына подчинялась непосредственно саратовскому губернатору и входила в ведомство Министерства внутренних дел по Департаменту полиции.

В архивах Царицынского уездного полицейского управления до настоящего времени сохранилось 51 дело за период 1863–1914 гг. и 117 дел Царицынского уездного исправника за периоды 1834–1908 и 1883–1908 годов. Ныне они составляют соответственно фонды «И-1» и «И-10» Государственного архива Волгоградской области.

По действовавшему в то время штатному расписанию уездная полиция в России слагалась: 1) из уездного начальника (исправника); 2) его помощников; 3) секретарей; 4) столоначальников; 5) регистраторов; 6) станowych приставов; 7) их помощников; 8) офицеров полицейской стражи; 9) урядников и стражников [13, с. 36].

Царицын, как и остальные города России после реорганизации в 60–70-х гг. XIX в., в полицейском отношении подразделялся на части во главе с частными приставами. Части делились на участки и околотки, возглавлявшиеся участковыми и околоточными надзирателями. Территория уезда делилась на станы во главе со станowymi приставами. На территории Царицына, таким образом, было две полицейские части, а на территории его уезда – два полицейских стана.

Корпус урядников, насчитывавший в 46 губерниях царской России 5 000 человек, был образован в 1878 году. На каждый (в том числе Царицынский) уезд при этом в среднем приходилось 11 урядников. Находились они в распоряжении станowych приставов и являлись их ближайшими помощниками в деле исполнения полицейских обязанностей. Розыск преступников и похищенного рядовыми полицейскими «служителями» осуществлялся в основном путем наблюдения за подозрительными и неблагонадежными лицами, проживавшими в районе их части или стана, а также при помощи «негласных расспросов».

Накопление и реализация фиксированной оперативной информации и соответствующих учетно-регистрационных материалов производились на уровне частных и станowych приставов. У урядников же весь банк данных оперативной информации помещался главным образом в памяти. Несмотря на то что по существующим правилам урядники должны быть грамотными, на деле «большая половина урядников не проходила через учебные заведения» [12,

с. 19]. Поэтому Министерство внутренних дел предписывало приставам избегать письменных сношений с этими полицейскими чинами.

Насколько можно судить по сохранившимся архивным документам уездного полицейского управления Царицына, розыскные мероприятия на местном уровне (включая криминалистические учет и регистрацию) производились им в основном «передаточным способом». Розыском и учетно-регистрационной работой в уездной полиции ведал стол № 2, рассылавший приставам соответствующие поручения. Последние, получив и отработав их, в случае отрицательных результатов передавали все материалы по розыску следующему полицейскому чину другого участка и так далее, пока указанные материалы вновь не возвращались в стол № 2.

Вся информационная служба низших чинов полиции сводилась, таким образом, к накоплению отдельных поручений о розыске, а учетно-регистрационные материалы сосредоточивались у непосредственных исполнителей и хранились где-нибудь дома, в сундуке.

Учет и регистрация преступного элемента, а также похищенного были примитивны и производились по принципу «словесного портрета». Так, например, в январе 1906 г. Царицынское уездное полицейское управление направило в управление окружного атамана Усть-Медведицкого округа поручение о розыске «окончившей срок» заключения в Царицынской тюрьме крестьянки Песчанской волости Балашовского уезда Пелагеи Андреевны Шатиловой, местом проживания которой было избрано село Отрада. Приметы и соответственно регистрационные данные Шатиловой включали: «лета» – 42; рост – 2 аршина 2 вершка; цвет волос – темно-русый; цвет глаз – серый; описание лица («нос и рот обыкновенные, само лицо чистое»); особые приметы – на правой руке выше кисти шрам от ожога [1, с. 7].

Аналогичным образом производились учет и розыск похищенного (главным образом лошадей и скота). Так, 8 мая 1904 г. Царицынское уездное полицейское управление в своем отношении № 951 сообщало в то же управление окружного атамана, что 24 апреля 1904 г. с подножного корма неизвестно кем были похищены две лошади. Первая принад-

лежала крестьянину села Семеновки Ивановской волости Г.С. Шухину – кобыла масти бурой, 7 лет, грива «налево», во лбу – «звезда».

Вторая принадлежала крестьянину того же села С.С. Блужникову – кобыла 4 лет, масти рыжей, грива «налево», на лбу продольная лысина [2, с. 5].

Розыск по общероссийским циркулярам Департамента полиции, в централизованном порядке рассылавшимся на места, и сыскным ведомостям, поступающим из полицейских органов других регионов, также осуществлялся в передаточном порядке. Отличие здесь состояло в большом количестве установочных данных, сообщавшихся о предмете розыска. В производстве уездной полиции Царицына, например, находилось поручение о розыске и задержании скрывавшегося казака Полтавской губернии Хорольского уезда Ново-Авраамовской волости села Новой Ивановки Константина Дмитриевича Васецкого, обвиняемого в присвоении 23 400 рублей наличных денег и, кроме того, денежных документов, составлявших собственность брата его Сильвестра.

Заведующий сыскной частью Киевской городской полиции, направивший это поручение в Царицынское уездное полицейское управление 19 сентября 1906 г., изложил в нем описание обстоятельств преступления, примет Васецкого, приложил образец его подписи, личное фото, а также указал сумму вознаграждения (1 000 рублей) за поимку [3, с. 24].

В материалах фонда Царицынского уездного исправника хорошо отражены осуществляемые полицией формы и методы статистических учета и отчетности, имевшие место в рассматриваемый период и представляющие значительный интерес. Свою деятельность в данной сфере исправник начинал с того, что концентрировал у себя ежемесячно поступающую к нему отчетность нижестоящих полицейских чинов – станových приставов. В качестве иллюстрации рассмотрим рапорт пристава 2-го стана Царицынского уезда (включая посад Дубовка) с представлением двух ведомостей о деятельности подчиненных ему полицейских урядников за июнь 1881 года. Согласно этим документам на территории стана было «открыто» за отчетный период 13 преступлений и проступков; разыскано и

возвращено 2 украденные лошади, а также 5 рублей похищенных денег; задержано 5 бродяг [4, с. 18].

Статистическая отчетность того времени на уровне уезда осуществлялась в виде «Ведомостей о происшествиях и вообще о всех случаях, выходящих из ряда жизни человека», «Ведомостей о лицах, находящихся под арестом» и т. п., в которых находили отражение количество и общая характеристика происшествий и правонарушений, а также лиц, задержанных за нарушение общественного порядка и совершение преступлений.

Собранные таким образом данные служили исправнику основанием для представления саратовскому губернатору дважды в месяц «Ведомостей о происшествиях в городе Царицыне и его уезде». В ее содержание входили описание и исходные данные о пожарах, несчастных случаях, самоубийствах, подкинутых младенцах, грабежах, убийствах, воровстве и пр. [5, с. 11–23].

Кроме того, соответствующие статистические сведения о происшествиях и преступлениях подекадно направлялись царицынским уездным исправником в Саратовский губернский статистический комитет. В качестве примера можно привести «Опись насильственных и случайных смертей в городе Царицыне и его уезде за август, сентябрь, октябрь и ноябрь 1878 года». Из нее мы можем узнать, в частности, что за указанные месяцы в самом Царицыне было убито всего два человека: один зарезан, второй убит «другим способом». В Царицынском уезде были убиты четверо: один отравлен, трое «убиты другими способами».

Еще одна форма статистического учета и отчетности отражала показатели деятельности уездной полиции в судопроизводстве. Представлялась она также приставами дважды в месяц на основании предписаний исправника и носила наименование «Отчетные сведения о делопроизводстве, происшествиях и делах, возбужденных полицией у мировых судей». Этот очень солидный на вид документ, отпечатанный типографским способом, охватывал практически все стороны деятельности каждого из полицейских чинов городских частей – пристава и участковых полицейских надзирателей. При этом каждый из них в соответствии с данной статистической формой

отчитывался за себя сам и обязан был собственноручно подписать «Отчетные сведения...». В разделе «О делопроизводстве» учитывался объем порученных и исполненных «срочных бумаг», предписаний губернского начальства, требований других «присутственных мест и лиц», а также по взысканиям платежей. Так, в производстве самого пристава 1-й части Царицына за время с 15 июля по 1 августа 1889 г. в производстве находилось 129 бумаг, у полицейских надзирателей двух участков – 72. Из них приставом было исполнено 108, а надзирателями – 47 поступивших документов.

Обширный раздел «О происшествиях» содержал количественные данные: о нераскрытых делах, подсудных общим судебным местам и мировым судьям, включая сумму причиненных убытков; числе всех преступлений (включая сумму ущерба), по которым были найдены преступники и похищенное; дел, по которым виновные обнаружены, но похищенное не найдено; дел, по которым имеются заподозренные в совершении преступлений по предположениям полиции, но похищенное не найдено; количестве дознаний, произведенных лично приставом, полицейскими надзирателями, а в уезде урядниками; числе преступлений, «открытых» за отчетное время.

В разделе «О делах, возбужденных полицией у местных мировых судей на основании статьи 49-й Устава уголовного судопроизводства» учитывались полицейские производства по нарушениям Уставов: о воинской повинности, о питейном сборе, строительного, пожарного, врачебного, о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений. Здесь же приводились данные о количестве дел, возбужденных полицией и рассмотренных за отчетный период в суде, о принятых по ним судебных решениях и о том, кто именно поддерживал по этим делам обвинение в суде.

С тем чтобы дать представление об объеме работы Царицынской уездной полиции (по городу) и об уровне преступности того времени, относящейся к ее ведению, приведем некоторые показатели из «Отчетных сведений...» за указанный период [6, с. 22–23]. Так, в производстве пристава и двух участковых надзирателей 2-й части Царицына нахо-

дидлись еще не раскрытые дела: у пристава – 10, у надзирателей соответственно 11 и 10. Сумма ущерба по ним составляла 209,33; 218,76; 234,56 рублей. Раскрыто было только два преступления (по одному на участок), сумма материального ущерба по которым составила в общей сложности 1 руб. 10 коп. Были задержаны два преступника. У местных мировых судей полицией было возбуждено одно дело о нарушении Устава о питейном сборе, одно – о нарушении Строительного устава и два – Пожарного устава; Устава о предупреждении и пересечении преступлений – три дела. В суде за то же время были рассмотрены дела, возбужденные полицейскими надзирателями: 35 – с обвинительными приговорами и 2 – с оправдательными приговорами. Рассмотрение трех дел в суде было отложено.

После издания в 1881 г. «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» значительно усилилась деятельность полиции по надзору. 12 марта 1883 г. Министерством внутренних дел было издано «Положение о полицейском надзоре», а 1 марта 1882 г. – «Положение о негласном полицейском надзоре» (секретное). Гласный полицейский надзор устанавливался в административном порядке как в местах «вдворения» (административной ссылки) лиц, так и по месту их постоянного жительства. Осуществление гласного надзора возлагалось на общую полицию, которая имела право входить в квартиры поднадзорных в любое время, производить у них обыски, просматривать корреспонденцию, давать разрешение на отлучку с места жительства. Гласный надзор полиции выступал, таким образом, и как дополнение к административной ссылке, и как самостоятельное административное наказание.

Негласный (секретный) надзор осуществлялся жандармерией и общей полицией за «лицами сомнительной политической благонадежности». В рамках этой деятельности особую актуальность для полиции приобрел учет лиц, находящихся под надзором. Его производство также находилось в ведении царицынского исправника и поручалось приставам тех станом, на территориях которых проживали поднадзорные. Становые приставы обязаны были заводить по этому поводу специальные

«Книги о состоящих под надзором полиции». В них отражались: чин; звание; фамилия, имя, отчество и место рождения поднадзорного; его возраст; причины надзора и данные должностных лиц или учреждений, его установивших; время и срок установления надзора; его вид (гласный или секретный); место учреждения надзора; сведения о получении от казны средств на содержание поднадзорного и его местонахождении; данные о смерти поднадзорного; обстоятельства и причинах выбытия из-под надзора; сведения о месте последующего направления после освобождения из-под надзора; аттестация поднадзорного.

Как можно заметить, данный вид учета носил административный, а не криминалистический характер, так как практически не содержал сведений, позволяющих осуществить его розыск в случае побега. Например, в подобную книгу пристава 1-го стана Царицынского уезда за 1903 г. был внесен крестьянин Семен Васильевич Степанов, уроженец Саратовской губернии, 30 лет от роду, подвергнутый гласному надзору согласно отношению начальника царицынской тюрьмы от 29 августа 1903 г. № 1296 и предписанию Царицынского уездного полицейского управления от 29 августа 1903 г. № 2330, содержащийся под надзором с 30 августа 1903 г. с проживанием в селе Солодче [7, с. 222].

Некоторые особенности имела информационная служба местной полиции в связи с регулированием паспортного режима, что особенно проявилось в связи с принятием «Устава о паспортах и беглых» [14]. Последний установил обязательность паспортов для всех лиц и запрет отлучаться без паспорта с постоянного места жительства. Паспорта вводились для каждого сословия. В паспортах мещан и крестьян обозначались приметы предьявителя, его возраст, семейное положение, срок, на который выдан паспорт, а также содержалось предупреждение о наказании на случай неявки в срок к постоянному месту жительства.

Устав о паспортах и беглых не только закреплял права полиции по надзору за исполнением паспортных правил, но и означал введение нового вида информационного учета в практику местной полиции. В его рамках чины полиции производили регистрацию и учет лиц,

задержанных без паспорта, с тем чтобы обеспечить их наказание и водворить на постоянное место жительства. Например, 10 марта 1903 г. по постановлению Камышинского уездного полицейского управления этапным порядком в Царицынское уездное полицейское управление была направлена женщина «неизвестного звания, назвавшая себя девицей – крестьянкой села Липовки Царицынского уезда Саратовской губернии Еленой Онисимовной Рыбловой 17 лет, как личность, не доказавшая своего звания, – для удостоверения личности и водворения в жительство».

Поскольку Рыбловой за сообщение ложных сведений о себе и сокрытие истинных данных о личности грозило уголовное наказание, до отправки этапа ее препроводили в тюрьму при особом «открытом листе». «Открытый лист на арестантку Е.О. Рыблову, отправленную от Камышинского уездного полицейского управления в Царицынское уездное полицейское управление Саратовской губернии, куда послано о ней сообщение от сего числа за № 746», включал следующие учетно-регистрационные сведения: фамилию, имя и отчество; приметы (лет – 17, рост 2 аршина 3 вершка, волосы и брови – русые, глаза – серые, нос и рот – умеренные; подбородок – круглый, лицо – чистое, особых примет не имеет); по чьему распоряжению и по какой причине пересылается; как должен сопровождаться – закованным или без оков (Рыблова – без оков); отметку о выдаче «кормовых» денег [8, с. 3–4].

С открытыми листами аналогичной формы отправляли к месту жительства и лиц, окончивших срок заключения, из тюрем. Благодаря данным мероприятиям становые приставы производили при помощи местных жителей идентификацию указанных лиц и следили за их водворением на место проживания.

Примерно такое же содержание (что касается указания примет) имели и «проходные свидетельства», выдаваемые органами полиции крестьянам «на свободное прохождение» из одного населенного пункта в другой в пределах уезда, с тем чтобы они с «сим свидетельством следовали прямым путем и без законных причин нигде не проживали под опасением строгой ответственности по закону». По прибытии на место данное проходное сви-

детельство после установления личности его владельца «свидетелями» – местными жителями, «местным начальством» – подлежало уничтожению.

Местная полиция в Царицыне, как и повсюду в России, находилась в постоянном контакте и сотрудничестве с органами политического сыска, выполняя их поручения по розыску. Об этом, а также о соответствующих учетно-регистрационной работе и информационных массивах свидетельствуют также и материалы архива царицынского уездного исправника.

Накопление и систематизация информационного банка данных в этой сфере были посвящены борьбе с государственными преступлениями. Прежде всего здесь следует выделить соответствующие поручения Саратовского губернатора, направленные им в Царицын уездному исправнику для исполнения. В них содержались учетные и идентификационные данные, которые необходимо было использовать в оперативно-розыскной деятельности. Например, дознанием «о преступной пропаганде в народе», произведенным органами жандармерии в различных местностях Российской империи, было обнаружено, что лица, распространяющие эту пропаганду, устраивались в простом народном платье рабочими в сапожные, слесарные и другие мастерские, рабочие артели, имея при этом либо фальшивые паспорта, либо не предъявляя своих документов вовсе. Многие из них скрывали свое местопребывание, ночуя в ночлежных домах или у знакомых, предпочитая те меблированные комнаты или постоялые дворы, в которых группировались рабочие и имелась возможность ускользнуть от внимания полиции. Указанные лица (их называли «пропагаторами») читали рабочим и крестьянам книжки революционного содержания. Последние, по имеющимся сведениям, распространялись «пропагаторами» через мелких книжных торговцев, продающих литературу вразнос по селам и фабрикам. Производящий «по Высочайшему повелению» дознание о государственных преступлениях генерал-лейтенант корпуса жандармов Слезкин в связи с растущей активностью «пропагаторов» пришел к убеждению, что в борьбе с этими проявлениями существенную пользу может принести

участие в ней местной полиции. По замыслу Слезкина ее чины должны были учредить тщательное наблюдение за появлением подозрительных личностей (в особенности не имеющих должных видов на жительство) на фабриках, заводах, в деревнях, селах и городах, делая время от времени проверку документов у постояльцев тех мест, где могли укрываться разные подозрительные люди. Саратовский губернатор Галкин-Враский, вполне разделяя высказанные генерал-лейтенантом Слезкиным соображения, 24 августа 1874 г. отдал подчиненным ему уездным исправникам (в том числе царицынскому) распоряжения о принятии предложенных им мер к неуклонному исполнению. В качестве приложения предписание губернатора содержало «Список тем книгам, которые пропагаторы распространяют в народе и вообще между молодыми людьми». Этот перечень, имевший 37 наименований, включал сказки, прокламации, стихи и прочие издания революционного содержания. Сказка «Илья Муромец», например, соседствовала в нем с работами «Гражданская война во Франции 1871 года» К. Маркса и «Государство и анархия» М. Бакунина. Также саратовский губернатор в соответствии с уведомлением Департамента полиции о возможном появлении различного рода преступников информировал об этом, помимо прочих, и царицынского уездного исправника, требуя от него необходимых распоряжений по розыску чинам местной полиции [9, с. 123–128].

Так, например, саратовский губернатор 15 октября 1880 г. в своем секретном циркуляре сообщал в Царицын уездному исправнику об отправке из Лондона через Австрию в Россию трех неизвестных лиц, принадлежащих к партии социалистов-революционеров, – для сбыта имеющегося у них большого количества фальшивых кредитных билетов 100- и 25-рублевого достоинства. При этом сообщалось, что один из неизвестных по происхождению поляк, около 40 лет от роду, большого роста, крепкого телосложения, блондин, а двое других – русские по происхождению [10, с. 321].

В аналогичном порядке строилась организация информационной службы, учета и регистрации в остальных уездных полицейских управлениях, располагающихся на территории нашего региона: Камышинского и Царевского.

К большому сожалению, пока еще не выявлены архивные фонды Царицынского и Дубовского городских полицейских управлений, о которых в уже указанных фондах Государственного архива Волгоградской области имеются лишь отдельные упоминания. Аппарат городской полиции возглавлялся полицмейстером, имевшим свою канцелярию. В составе Царицынского городского полицейского управления имелась сыскная часть. По данным комиссии сенатора А.А. Макарова на 1911 г., в Царицыне, число жителей которого к тому времени составляло 87 734 человека, общая полиция включала 1 полицмейстера, его помощника, 4 приставов, 6 их помощников, 12 полицейских надзирателей, 1 секретаря и 138 пеших городских. Кроме того, в Царицыне существовала фабрично-заводская полиция, состоявшая из 1 полицейского надзирателя и 7 городских.

Для сравнения, в Саратовском полицейском управлении (на 217 604 городских жителей) в то же время штат составлял: 1 полицмейстера, его помощника, 6 приставов, 1 их помощника, 6 письмоводителей пристава, 50 полицейских надзирателей, 1 секретаря, 4 столоначальника, 1 казначея, 1 архивариуса, 50 полицейских служащих, 50 конных городских и 300 пеших городских [13, с. 170].

В соответствии с изданным царем 6 июля 1903 г. Законом «Об организации сыскной части» в составе полицейских управлений губернских и других крупных городов были созданы сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска общеуголовного характера. Если судить по имевшим место в России результатам розыска и задержания преступников, то можно прийти к выводу о том, что главным недостатком сыска того времени являлось прежде всего состояние информационной службы. Как писал в то время журнал «Вестник полиции», «...нередко наблюдаются многие известные случаи, когда зарегистрированный преступник, и даже разыскиваемый, совершенно свободно проживал в уезде, в то время, когда его тщательно разыскивали в городе. Это объясняется тем, что сведения о нем не имелись в распоряжении уездных полицейских властей, или же за неимением у последних средств наблюдения преступники оставались без должной регистрации».

В уездах сыскные отделения не были созданы из-за отсутствия там необходимых средств, неподготовленности личного состава, отсутствия на местах специальных школ для обучения уголовно-розыскному делу.

В числе созданных в царской России 89 сыскных отделений было и сыскное отделение Царицынского городского полицейского управления. Его архивные материалы также до настоящего времени не выявлены, и поэтому мы можем судить о его организации и деятельности лишь по отрывочным данным фондов других полицейских органов, которые находились с ним во взаимодействии. Однако даже по этим весьма скудным данным можно заключить, что царицынские сыщики действовали весьма эффективно и нередко добивались значительных результатов.

Так, вечером 27 сентября 1908 г. чинами полиции в Царицыне был задержан бывший чиновник Царицынской почтово-телеграфной конторы Добрынин, который на допросе чистосердечно признался начальнику сыскного отделения Мильнарту в ограблении, совершенном в посаде Дубовка.

По показаниям Добрынина полиция в ту же ночь в восьми верстах от города, в населенном пункте, расположенном по линии Юго-Восточной железной дороги, схватила двух его соучастников в грабеже. При задержании у них были отобраны оружие и боеприпасы: 3 браунинга и к ним 147 патронов, один «бульдог» с 15 патронами, кинжал, кастет, кистень, а также 555 рублей денег, 2 чистых паспортных бланка, 2 печати волостного правления и русский парик с принадлежностями для гримировки. Впоследствии все грабители сыскным отделением были уличены в ряде грабежей, сопряженных с убийствами, совершенными в уездах Астраханской губернии [11, с. 80–81].

Таким образом, история и правовое положение сыскного отделения при Царицынском городском полицейском управлении могли бы стать весьма привлекательными и перспективными для последующих исследователей истории местных органов полиции и милиции.

Поскольку Закон от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части» определил задачи и организационное устройство сыскных отделений лишь в самых общих чертах, то его развитие 9 августа 1910 г. Министерством

внутренних дел была издана специальная ведомственная инструкция. Не располагая конкретными данными по царицынскому сыскному отделению, сегодня мы можем лишь предполагать, что в соответствии с указанной инструкцией, которая устанавливала структуру сыскных отделений и принципы организации их работы, в нем было образовано 4 структурных подразделения («стола»): 1) личного задержания; 2) розысков; 3) наблюдения; 4) справочное регистрационное бюро.

В задачу сыскного отделения согласно инструкции входило «негласное расследование и производство дознания в видах предупреждения и преследования преступных деяний общеуголовного характера». «Главную часть внутренней организации сыскного отделения» составляло справочное регистрационное бюро.

Также следует отметить, что накануне, в марте 1908 г., в составе Департамента полиции было создано новое, 8-е, делопроизводство. Помимо прочего на него было возложено создание центрального регистрационного бюро. Это в свою очередь знаменовало собой возникновение в России единообразной системы розыска и регистрации преступников, единого информационного центра. Справочно-регистрационное бюро сыскного отделения в пределах своей компетенции занималось регистрацией преступников, систематизацией всех сведений о них, установлением личностей преступников, выдачей справок о судимости и розыске скрывающихся лиц.

В основу работы сыскного отделения и его справочно-регистрационного бюро был положен наиболее рациональный принцип специализации (так называемый линейный принцип). «Наиболее правильная и вполне соответствующая организация борьбы с преступностью, – говорилось в параграфе 56 упомянутой инструкции, – заключается в специализации как общих мер розыска, так и розыскной деятельности членов сыскных отделений по главным родам преступлений». В этой связи устанавливались три категории специализации по видам профессиональной преступности:

1. Убийства, разбои, грабежи, поджоги.
2. Кражи и профессиональные воровские организации (конокрады, взломщики, магазинные, железнодорожные и другие шайки).

3. Мошенничества, подлоги, обманы, фальшивомонетничество, подделка документов, шулера, аферисты разного рода, контрабанда, продажа женщин в дома терпимости и за границу.

Российское правительство уделяло большое внимание проблеме кадров аппарата уголовного сыска, стремясь сделать его надежным и эффективным. В том числе это относилось и к сотрудникам информационной службы, то есть регистрационного бюро. Они, как и все служащие сысканого отделения, должны быть благонадежными. Инструкция от 9 августа 1910 г. обязывала их исполнять службу «Его Императорского Величества по совести, памятуя священные слова присяги, принятой при определении на службу». Благонадежности чинов сысканых отделений придавалось настолько важное значение, что при назначении их на должность главное внимание обращалось не на «индивидуальные способности к сыску назначаемых лиц, а на положительную репутацию того или иного полицейского чиновника». Нравственно-этические качества чинов сысканого отделения также учитывались: «Служащий сысканого отделения должен быть честен, безусловно правдив, вести жизнь нравственную, трезвую и ни в чем не зазорную, исполнять свои обязанности ревностно, выказывать на службе терпение, рассудительность, мужество и решительность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 44.
2. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 5.
3. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 45.
4. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 21.
5. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 65.
6. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 71.
7. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 81.
8. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 105.
9. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 125.
10. ГАВО. – Ф. И-10. – Оп. 1. – Д. 115.
11. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 179.
12. Краткий очерк о деятельности МВД за двадцатипятилетие. 1855–1880 гг. – СПб. : Тип. МВД, 1880. – 183 с.
13. Примерные штаты городской и уездной полиции в 50-ти губерниях империи. – СПб., 1911.
14. Свод законов Российской Империи. Т. XIV. – СПб. : Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1890. – 174 с.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 1-I, Op. 1, D. 44.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 5.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 1-I, Op. 1, D. 45.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 21.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 65.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 71.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 81.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 105.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 125.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 10-I, Op. 1, D. 115.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)* [The State Archive of the Volgograd Region], F. 6-I, Op. 1, D. 179.
12. *Kratkiy ocherk o deyatelnosti MVD za dvadtsatipyatiletie. 1855-1880 gg.* [A Brief Essay on the Activities of the Ministry of Internal Affairs for the Twenty-Fifth Anniversary. 1855-1880]. Saint Petersburg, Tip MVD Publ., 1880. 183 p.
13. *Primernye shtaty gorodskoy i uездnoy politzii v 50-ti guberniyakh imperii* [Sample States of City and County Police in 50 Provinces of the Empire]. Saint Petersburg, 1911.
14. *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. T. XIV* [Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. XIV]. Saint Petersburg, Izdanie Kodifikatsionnogo otdela pri Gosudarstvennom Sovete, 1890. 174 p.

**THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK
FOR POLICE INFORMATION SERVICE
OF PRE-REVOLUTIONARY TSARITSYN**

Aleksandr Egorovich Epifanov

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Department of Constitutional and Municipal Law,
Volgograd State University
mvd_djaty@mail.com, kmp@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This paper presents a comprehensive historical and legal analysis of the issues concerning the organization and operation of the information units of the police force of pre-revolutionary Russia, Tsaritsyn city in particular. The work is an attempt to give a detailed characteristics of information support to local police (late 19th-early 20th centuries) based on the approach of the domestic state. In doing so, the author reveals the regulation and practice of specialized information structures of the local police of the Russian Empire. In the article, using historical and legal method, the author shows the organizational and legal framework for the formation and development of Russian information service of the local police in the studied period.

Key words: information service, the police, the registration department, fingerprinting, photography, search, police department, accounting and registration work.